

УДК: 122+14

Проблема рациональности действия в современной социальной философии

А. И. Доманская, аспирант*

В статье рассматриваются основные современные концепции рациональности действия. С учетом специфики отдельных концепций предлагается сгруппировать их в социально-ориентированный и индивидуально-ориентированный подходы к рассмотрению данной проблемы. Социально- и индивидуально-ориентированный подходы дополняют друг друга, позволяя, с одной стороны, проводить детальный анализ структуры индивидуального действия с учетом характеристик субъекта действия, с другой стороны, позволяют локализовать рациональность порой в неожиданных, внешних по отношению к субъекту элементах действия, а также в структуре диспозиций и интенций, которые традиционно связываются с внерациональной областью.

Ключевые слова: теория действия, человеческое действие, теория рациональности, рациональность действия.

The Rationality of Action Problem in Contemporary Social Philosophy

A. I. Domanskaya, Postgraduate Student

The article proposes an overview of the most popular contemporary rationality of action conceptions. Taking into account the specificity of different concepts it is proposed to group them in the socially-oriented and individually-oriented approaches to this problem. Socially- and individually- oriented approaches complement each other, allowing, on the one hand, a detailed analysis of the structure of individual actions, taking into account personal characteristics of the actor, on the other hand, they allow to localize rationality in sometimes unexpected, external to the subject of the action elements, as well as in the structure of dispositions and intentions, which are traditionally associated with the non-rational domain.

Keywords: action theory, human action, rationality theory, rationality of action.

В исследовательском предметном поле социальной философии существует несколько важнейших категорий, содержательная интерпретация которых является на сегодняшний день объектом пристального внимания исследователей. Одной из таких категорий выступает понятие *действия* в своем самом широком смысле: как единица поведения человека, как способ его активного присутствия в мире.

Традиция выделять *действие* как самостоятельную философскую категорию восходит к трудам Аристотеля, который в трактате «Категории» выделяет действие (греч. ποιεῖν, лат. actio) как одну из своих десяти основных категорий мышления. Аристотель уделяет пристальное внимание рассмотрению проблематики действия в трактатах «О душе», «О движениях животных» и обеих «Этиках». Философа занимает вопрос о том, как и почему совершаются различные поступки, а также о том, какие действия можно считать преднамеренными, а какие нет, и как различение этих действий способствует моральным суждениям [1, к. 3, 1].

Обращение к идеям Аристотеля важно в контексте данной статьи, во-первых, потому, что именно этот античный философ заложил основания философского осмысления человеческого действия, впервые обратившись к проблематике поведения и деятельности человека. Более того, Аристотель уделяет пристальное внимание вопросам разумного и ответственного действия и выявляет основания рационального действия.

В «Никомаховой этике» философ вводит различение действий на произвольные и непроизвольные. *Произвольные* действия имеют свой источник в самом деятеле, осознающем те частные обстоятельства, при которых поступок имеет место [1, к. 3, 3] и могут быть преднамеренными (основанными на сознательном выборе), или по влечению (основанными только на страстном стремлении), или основанными на желании обладать благами, которые могут быть доступны или недоступны, как, например, здоровье или бессмертие. *Непроизвольные* действия — это действия, например, под-

* Аспирант кафедры философии и методологии науки, старший преподаватель кафедры философии культуры ФФСН БГУ. Научный руководитель — доктор философских наук, профессор А. И. Зеленков.

невольные, или которые совершаются по неведению, вынужденно, или в измененном состоянии сознания.

Обратим особое внимание на то, что *произвольное* действие у Аристотеля понимается гораздо шире, чем *преднамеренное*. Человек может действовать произвольно, по влечению или желанию, но только действие с высокой степенью осознанности, разумности будет преднамеренным действием. Преднамеренное действие Аристотель рассматривает более подробно, так как только эти действия — в полной мере ответственные действия, и в отношении их можно ставить вопрос об ответственности субъекта. Аристотель считает, что и животные, и дети могут действовать произвольно, но не несут ответственности за свои действия. Условиями ответственности по Аристотелю, если их резюмировать, выступают следующие: 1) субъект является началом (*arche*) своих действий; 2) действие имеет свое начало в субъекте; 3) субъект принимает осознанное решение о совершении действия.

Как отмечает в своем анализе «Никомаховой этики» А. МакИнтайр, Аристотель перечисляет пять обязательных условий преднамеренного действия как ответственного, рационального (разумного) действия:

1) субъект должен быть в состоянии понимать ситуацию, в которой он действует (ее возможности должны быть для него прозрачны);

2) субъект должен иметь представление о благах и уметь рассуждать о них с использованием различных форм диалектического рассуждения;

3) субъект должен быть в состоянии оценивать себя и свое достоинство как участника разных форм практик в соответствии со своим возрастом, образованием, статусом и т. д.;

4) субъект должен уметь различать высшие, необусловленные блага и доступные, достижимые определенными действиями блага и должен быть обучен соотносить их между собой и выбирать главные;

5) субъект должен быть способен проявлять все четыре вышеназванных качества одновременно.

Незрелость, недостатки воспитания и образования, непонимание ситуации и т. п. приводят к ошибкам в действиях, к нерациональным действиям [2, с. 125—127].

Таким образом, Аристотель впервые говорит не только о человеке как агенте, деятельностном существе, но и указывает на фундаментальную связь между деятельностью, разумностью (рациональностью) и социальностью.

После Аристотеля на протяжении всей истории западной философии проблематика действия

в тесной связи с проблемами разума, души, сознания, мышления эксплицитно или имплицитно относилась к самому ядру социально-философских теорий. Необходимо отметить, что исследование концепций человеческого действия в западной философии позволяет выявить две отчетливые тенденции, обусловленные различиями в исследовательских подходах. Предлагается обозначить их как социально-ориентированный и индивидуально-ориентированный подходы.

Социально-ориентированный подход философского осмысления действия берет свое начало в работах Томаса Гоббса (философской трилогии и «Вопросах о свободе, необходимости и случае» 1656 г.) и Г. Ф. В. Гегеля («Феноменологии духа» 1807 г. и «Основаниях философии права» 1821 г.) закладываются основания социально-философского рассмотрения человеческого действия с обязательным учетом его социального контекста и факторов культурного, религиозного, политического и других видов институционального влияния. Выявляя основные положения этого направления философии действия, получившего развитие в трудах континентальных философов и социологов, таких как Карл Маркс, Макс Вебер, Толкотт Парсонс, Мишель Фуко и Пьер Бурдьё, отметим, что в рамках данного подхода человек предстает в первую очередь как социальный субъект, способный активно, деятельно участвовать в жизни сообщества, реализуя определенные социальные *практики*. Правила социального поведения и взаимодействия с другими членами сообщества интериорируются индивидом в процессе социализации и социальной адаптации, и благодаря этому поведение каждого отдельного человека приводится в соответствие с нормами и требованиями сообщества, которые предписывают ему определенные действия, а на другие накладывают ограничения. Благодаря этому действия людей становятся социально понятными, предсказуемыми, а люди как социальные агенты своими действиями, приведенными в соответствие с внешними требованиями, не только поддерживают эффективное функционирование различных социальных полей (по П. Бурдьё), но и обеспечивают возможность существования социальных институтов как устойчивых образований и влиятельных регулирующих факторов общественной жизни.

В своей работе «Практический смысл» П. Бурдьё, как бы резюмируя достижения социально-ориентированного подхода в философии действия, представляет все индивидуальные действия как «вписанные» в определенные стандарты отношениями власти, личных интересов и распределения капитала. Человек предстает как агент, более

или менее творчески оперирующий определенным арсеналом социально закрепленных поведенческих схем. Любое действие человека всегда осуществляется как элемент культурно-предписанных и отчасти институционализированных практик, освоенных человеком неосознанно в качестве определенной дисциплины тела, типических жестов и реакций, что наделяет практический смысл действия его собственной, особенной логикой, отличающейся от логики рационального мышления. «Схемы восприятия, оценки и действия не могут быть усвоены иначе, как на практике, они являются условием всякой разумной мысли или практики, но, постоянно подкрепляясь действиями и речами, произведенными согласно таким же схемам, они исключаются из круга осмысляемых предметов» [3, с. 32].

Вопрос о том, какое место занимает разумный автономный субъект в социальных практиках в социально-ориентированном подходе, представляется вторичным по отношению к вопросу о структурах практик, социальных институтов, распределении власти и влиянии дискурсов. Это, несомненно, важнейшие вопросы социальной философии, и они имеют первостепенное значение для понимания основ жизни современного общества.

Рассмотрим также индивидуально-ориентированный подход в философии действия. В основных англо- и германоязычных философских словарях и энциклопедиях сегодня можно найти статьи «действие» (action, Handlung) и «философия действия» (action theory, philosophy of action, Handlungstheorie). Отметим, что термина, аналогичного русскому понятию «деятельность», в этих языках нет, самыми близкими по смыслу будут понятия «практики» или «поведения».

Можно выделить следующих мыслителей, чьи работы признаются основными в данной области философского знания: Дональд Дэвидсон (работа *Actions, Reasons, and Causes*, 1963), Элизабет Энском (работа *Intention*, 1957), Джордж фон Райт (работа http://de.wikipedia.org/wiki/Georg_Henrik_von_Wright *Normand Action*, 1963), Элвин Голдман (работа *A Theory of Human Action*, 1970), Дженнифер Хорнсби (работа *Actions* 1980), Джонатан Беннетт (работа *Events and Their Names* 1988) и другие. В 2010 г. в издательстве Вилей-Блэквел вышел сборник работ философов из разных стран, объединивший 75 авторских статей под общим названием «Справочник по философии действия», под редакцией Тимоти О'Коннор и Константина Сандиса [4].

Работы представителей индивидуально-ориентированного подхода разворачиваются в парадигмальных рамках аналитической философии. Ос-

новным вопросом философии действия можно считать вопрос, сформулированный Людвигом Витгенштейном в «Философских исследованиях»: «Что останется, если отделить тот факт, что моя рука поднимается, от факта, что я поднимаю руку?» [5, с. 240]. Что представляет собой действие человека в онтологическом плане: событие или экземплификацию его свойств как субъекта действия? Возможно ли структурировать действие таким образом, чтобы выявить разные его составляющие и определяющие его факторы?

В концепциях авторов, представляющих индивидуально-ориентированный подход, осуществляется гораздо более тонкое и многоуровневое структурирование действия, нежели в работах представителей социально-ориентированного подхода. На передний план выходит проблематизация и анализ внесоциальных и внерациональных составляющих действия как элементарного поведенческого акта человека. Важными понятиями философии действия на сегодняшний день являются понятия *интенции, диспозиции, рационализации, мотивации, дисциплины, телесности, дискурсивности* и т. п.

Рассмотрим проблему роли и места рациональной составляющей в структуре действия в концептуальной рамке современных теорий философии действия поствитгенштейнианцев Дональда Дэвидсона и Элвина Голдмана. Внерациональная составляющая действия оставляется за рамками рассмотрения при отчетливом осознании всей значимости данной проблематики.

В самом широком смысле рациональность принято сегодня определять как *разумность* или *осмысленность* (от лат. *ratio* — разум). В этом значении понятия рациональность является качественной характеристикой сознания и поведения человека, непосредственно зависящей от физического, психического и социального состояния человека. Как отмечалось выше, еще Аристотель в «Никомаховой этике» подходил к анализу рациональности подобным образом: рациональность как принцип человеческой разумности, зависящий от многих факторов, таких как гендер, телесность, социальный статус, творческие и познавательные способности и т. п., широко используется в современной философии действия.

В более узком смысле рациональность понимается как характеристика знаний и практик, отчужденных от их субъекта. При этом оценка производится внешним наблюдателем на предмет соответствия знаний и действий некоторым эксплицитным эпистемологическим и этическим принципам, таким как эффективность, объективность, последовательность и непротиворечивость, подконтрольность, правилосообразность и т. п.

В этом смысле рациональность функционирует в западной цивилизации последних столетий как одна из ценностей культуры, выступая в качестве нормативного критерия. При оценке знаний и действий на предмет соответствия критериям рациональности они могут быть оценены как рациональные в разной степени, т. е. как соответствующие этим критериям в большей или меньшей степени. [4, с. 287—288].

Как определить рациональность в составе действия: как структурный элемент или как интегральную характеристику действия? Предлагаем рассмотреть этот вопрос из перспективы концепций Дональда Дэвидсона и Элвина Голдмана.

Все физические движения тела являются, с одной стороны, проявлением наших способностей, но с другой стороны, они являются частью чего-то большего, чем выражение психической активности человека: действие разворачивается всегда в некой среде, изменяя ее, далеко не всегда в соответствии с намерениями актора. Возможно ли структурировать действие таким образом, чтобы выявить разные его составляющие и определяющие его факторы?

Вслед за Л. Витгенштейном большинство современных представителей теории действия полагают, что естественный язык крайне плохо подходит для анализа действий. Он устроен таким образом, что об одном и том же действии мы можем привести бесконечно много различных утверждений, уточняя и восходя от общего к частному, запутывая анализ. Поэтому фундаментальное значение для философии действия имели работы Дональда Дэвидсона, Элизабет Энскоум, Дэвида Веллемана и Элвина Голдмана, которые предложили выделять единичные действия как объекты социально-философского изучения, структурировать их на основании языкового описания и анализировать внутреннюю логику действия, выделяя в ней разнородные причинно-следственные связи, а также элементы индивидуальной диспозициональной мотивации, рациональности и т. п. Этот методологический подход позволяет отчетливо определить элементы рациональности в структуре действия, проявить их в различных составляющих действия.

Возьмем классический пример из работы «Теория человеческого действия» Элвина Голдмана: «Джон двигает рукой, переставляет фигуру ферзя с C2 на F5, ставит шах и мат противнику и тем самым вызывает у своего друга сердечный приступ». Один и тот же субъект в определенный момент времени в определенном месте совершил одно или несколько действий? И какими могут быть основания проблематизации рациональности в контексте данного действия?

Как отмечено выше, об одном и том же действии мы можем привести бесконечно много различных утверждений, уточняя и восходя от абстрактного к конкретному. Но все утверждения описывают одно и то же действие или это разные действия? Мнения теоретиков по данному вопросу разделились. С одной стороны, Д. Дэвидсон и Э. Энскоум выдвигают концепцию «идентичности» (identity thesis), согласно которой одно действие может иметь много вариантов описания. Как говорит сам Д. Дэвидсон: «Каково отношение между тем, что я прицелился, нажал на курок и застрелил жертву? Естественный и, на мой взгляд, верный ответ состоит в том, что это отношение идентичности» [6, с. 94]. Суть тезиса идентичности состоит в том, что субъект S в момент времени t в месте a может совершить только одно действие, вне зависимости от того, сколько вариантов описания этого действия можно найти.

Иной анализ действия предлагает в своей работе «Теория человеческого действия» Элвин Голдман [7]. Голдман считает, что структуру любого действия можно отразить в многоуровневой диаграмме, не утверждая, что «поставить мат» и «вызвать сердечный приступ друга» — это одно и то же действие, но рассматривая их как разные уровни системы «дерева действия».

В основании любого конкретного действия будет находиться так называемый *базовый физический акт* или же намеренное воздержание от него. А все последствия этого *базового акта* образуют более высокие уровни этого же действия, находящиеся между собой в отношениях разного типа. См., например, рис. 1.

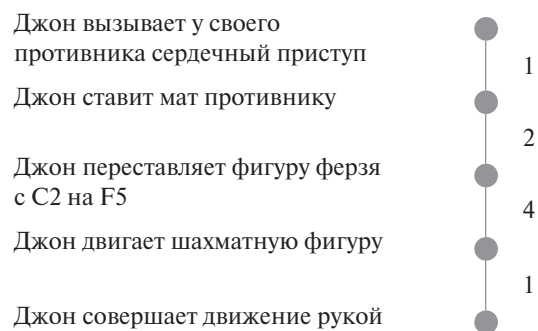

Рисунок 1

Детальное рассмотрение структуры действия и выявление разных типов отношений между различными ее уровнями позволяет увидеть, во-первых, какие именно уровни действия связаны с субъективными намерениями человека, его персональными диспозициями, навыками и качествами. Это позволяет анализировать на предмет рациональности мотивы субъекта, его представления о мире, его ценностные установки и принципы поведения.

Далее, подобная схематизация позволяет отличить аспекты действия, которые определяются другими, внешними по отношению к объекту факторами влияния внешней среды: ситуацией действия, временем действия, физическими и социальными возможностями агента, правилами игры, социальными конвенциями, господствующим дискурсом, отношениями власти и т. п. В связи с этим теоретики действия самое пристальное внимание уделяют разведению понятий «основания» (reasons) и «причины» (causes) действия.

Основания (reasons) действия имеют отношение к мотивации субъекта, к его способностям и намерениям, верованиям и волевым усилиям, т. е. ко всему тому, к чему субъект действия, словами Л. Витгенштейна, всегда имеет привилегированный доступ. Обратим внимание на тот факт, что существует целая область на стыке между процессами восприятия, осмысления (осознания) и действия, в которой происходит постоянная конверсия из рационального во иррациональное и обратно, которую анализируют психологические концепции *рационализации*, получившие свое развитие в классическом психоанализе, критической теории и т. д.

Разворачиваясь в реальных условиях внешней среды, действие имеет в своей структуре ряд причин (causes), внешних по отношению к субъекту действия. Часть из этих причин будут естественными причинами, а часть — конвенциональными, социально-культурными. И если естественные причины действия не имеют никакого отношения к проблеме рациональности, то социально-культурные причины, безусловно, могут быть в определенном ключе рационализированы и проанализированы, хотя, безусловно, рационализация не будет исчерпывающей хотя бы потому, что это зона социального бессознательного. Как раз в анализ внешних по отношению к субъекту социально-культурных факторов действия огромный вклад вносят представители социально-ориентированного подхода, предлагая в своих работах теории структурирования социальных практик, социальных институтов, распределения власти и принципов формирования и влияния дискурсов.

Социальные психологи обращают пристальное внимание на то, что, анализируя поведение человека, нужно избегать так называемой «фундаментальной ошибки атрибуции», состоящей в том, что поведение людей объясняется их личностными характеристиками и диспозициями с игнорированием внешних ситуационных факторов действия [8; 9]. Очень важно при анализе действия учитывать причины, связанные с ситуацией и временем действия, а также с той социально-культурной нормативно-семиотической «рамкой», в ко-

торой действие разворачивается. Представляется очевидным, что степень рациональности действия напрямую зависит от того, насколько социально-культурные условия отвечают требованиям рациональности. Следовательно, рассмотрение действия на предмет рациональности с необходимостью должно включать не только анализ субъективных оснований действия, но и оценку той языковой игры (дискурса), в рамках которой функционирует действующий субъект.

Таким образом, социально- и индивидуально-ориентированные концепции действия дополняют друг друга, позволяя, с одной стороны, проводить детальный анализ структуры индивидуального действия с учетом характеристик субъекта действия, с другой стороны, локализовать рациональность порой в неожиданных, внешних по отношению к субъекту элементах действия, а также в структуре диспозиций и интенций, которые традиционно связываются с иррациональной областью. Представляется, что подобный анализ действий на предмет их рациональной составляющей обретает принципиальную значимость в ситуациях социально-девиантного, криминального, героического поведения, в маркетинговых исследованиях экономического поведения, при анализе поведения носителей иных культур, различных религиозных традиций и учений и т. д. Социальная философия, развивая теорию действия и теорию рациональности, способна систематизировать достижения родственных ей социально-гуманитарных дисциплин и существенно дополнить понимание человеческого действия как социально-антропологического феномена.

Список цитированных источников

1. *Аристотель*. Никомахова этика / Аристотель. — М., 1997.
2. *MacItyre, A.* Whose Justice? Which Rationality? / A. MacItyre. — Indiana, 1988.
3. *Бурдые, П.* Практический смысл / П. Бурдые. — М.; СПб., 2001.
4. *A Companion to the Philosophy of Action* / ed. by T. O'Connor, C. Sandis. — Malden [etc]: Blackwell Publishing Ltd, 2010.
5. *Витгенштейн, Л.* Философские исследования / Л. Витгенштейн. — М., 2011.
6. *Davidson, D.* Essays on Actions and Events. — 2nd ed. / D. Davidson. — Oxford, 2001.
7. *Goldman, A. I.* A Theory of Human Action / A. I. Goldman. Princeton, 1970.
8. Choi, I. Causal attribution across cultures: Variation and universality / I. Choi, R. E. Nisbett, A. Norenzayan // *Psychological Bulletin*. — Vol. 125, № 1. — 1999. — P. 47–63.
9. Malle, B. F. The actor-observer asymmetry in causal attribution: A (surprising) meta-analysis / B. F. Malle // *Psychological Bulletin*. — Vol. 132, № 6. — 2006. — P. 895–919.

Дата поступления в редакцию: 25.09.2014 г.